# ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Марта № 7 1884 года.

## ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

### СМЫСЛЪ И ЗНАЧЕНІЕ СОБЛЮДЕНІЯ ОБРЯДОВОЙ СТОРОНЫ ХРИСТІАНСТВА.

Общественное богослуженіе всегда составляло и составляетъ необходимую принадлежность всякаго мало-мальски благоустроеннаго общества. Оно существовало во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на какой-бы степени образованности они ни находились. Не замедлило оно явиться и въ христіанствѣ, лишь только успѣло послѣднее появиться въ мірѣ. Правда, христіанское богослуженіе, по различію вѣроисповѣданій, мѣстнымъ обычаямъ, различному образованію и характеру народовъ, являлось у насъ въ неодинаковомъ видѣ; но тѣмъ не менѣе всѣ христіанскіе народы имѣли храмы, назначенные для общественнаго богослуженія, собирались въ нихъ въ опредѣленныя времена и совершали священные обряды. Чтобы понять это всеобщее явленіе рода человѣческаго, нужно только принять во вниманіе тотъ глубочайшій смыслъ и то важное значеніе, какое имѣетъ для человѣка участіе въ общественномъ богослуженіи.

Человѣкъ не есть существо чисто духовное, онъ состоитъ изъ двухъ противоположныхъ частей, соединенныхъ въ немъ въ одно бытіе. Тѣло и душа—эти

двѣ существенныя части человѣка находятся между собою въ тѣснѣйшей внутренней связи и постоянномъ взаимодѣйствіи. Душа имѣетъ громадное вліяніе на тѣло, а тѣло въ свою очередь оказываетъ вліяніе на душу. Всѣ состоянія и перемѣны, происходящія въ жизни тѣла, всегда отражаются извѣстнымъ образомъ и на душѣ, производя въ ней соотвѣтствующія измѣненія. Точно также и всѣ душевныя состоянія имѣютъ свойственную имъ внѣшнюю форму проявленія, выражаясь въ различныхъ движеніяхъ тѣла и разнообразныхъ оттѣнкахъ голоса. Это внѣшнее выраженіе душевныхъ состояній есть необходимый психологическій законъ, которому подчиняется каждый человѣкъ, часто даже невольно, противъ всякаго желанія съ своей стороны.

Существенную и необходимую принадлежность человѣческой души составляетъ религія. Это есть присущее человѣку стремленіе къ Богу, стремленіе особенное, отличное отъ всѣхъ другихъ его стремленій. Она не принадлежитъ какой либо отдѣльной психической силѣ и не имѣетъ для себя особаго органа въ душѣ; она обнимаетъ и проникаетъ всѣ духовныя силы человѣка и ведетъ ихъ къ нормальному развитію. Въ умѣ она является, какъ извѣстное понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку,—въ сердцѣ, какъ чувство благоговѣнія къ Высочайшему Существу, и, наконецъ, въ волѣ, какъ дѣятельное стремленіе человѣка къ живому общенію и единенію съ Богомъ. Такъ какъ всѣ духовныя силы и способности человѣка могутъ развиваться и совершенствоваться, могутъ также ослабѣвать и принимать различныя направленія; то такимъ же самымъ условіямъ измѣняемости необходимо подчинены и религіозныя стремленія, присущія душѣ человѣка. Могутъ и они извѣстнымъ образомъ развиваться, возвышаться и доходить до самоотверженія, но могутъ и ослабѣвать и даже совсѣмъ погасать, могутъ также принимать различныя направленія, какъ правильныя, такъ и неправильныя.

Подобно всѣмъ другимъ душевнымъ состояніямъ, и внутреннія религіозныя стремленія человѣка, по закону психологическому, необходимо должны обнаруживаться во внѣ, должны проявляться въ свойственныхъ имъ внѣшнихъ формахъ и дѣйствіяхъ. Исторія и опытъ свидѣтельствуютъ, что даже въ отношеніи къ людямъ чувства любви, уваженія, благодарности всегда выражались и выражаются въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ знакахъ, имѣютъ ту или другую внѣшнюю форму. Люди, признательные къ своимъ благодѣтелямъ, при жизни послѣднихъ, старались и стараются оказывать имъ всевозможные внѣшніе знаки своего внутренняго сердечнаго уваженія и любви, а по смерти—въ честь ихъ устанавливали и устанавливаютъ празднества и въ память ихъ воздвигали и воздвигаютъ статуи и памятники. Но если наша любовь и признательность къ людямъ не ограничивается однимъ только внутреннимъ чувствомъ нашей души, а проявляется и во внѣ, то что же сказать о внутреннихъ состояніяхъ души, проникнутой чувствомъ благоговѣнія, всецѣлой преданности и любви къ Богу, о Которомъ мы, по слову Апостола, живемъ и движемся и есмы (Дѣян. 17. 28). Если существуютъ внѣшнія формы и знаки для выраженія тѣхъ или другихъ чувствъ въ отношеніи къ людямъ, то тѣмъ болѣе должны быть внѣшнія формы и дѣйствія для обнаруженія нашихъ внутреннихъ религіозныхъ состояній, нашихъ благочестивыхъ мыслей и чувствованій, въ отношеніи къ Богу. Правда, Богъ, какъ духъ чистый и всевѣдущій, прозирающій въ глубину сердецъ нашихъ, не имѣетъ нужды въ употребленіи съ нашей стороны чувственныхъ знаковъ для выраженія предъ Нимъ нашего внутренняго благоговѣйнаго чествованія Его безпредѣльнаго величія; но тутъ дѣло идетъ не о томъ, нуждается ли Богъ въ нашемъ внѣшнемъ служеніи Ему, а о томъ, что самъ человѣкъ по своей природѣ имѣетъ нужду служить Богу духомъ и тѣломъ, точно также, какъ онъ имѣетъ настоятельную нужду выражать во внѣшнихъ

знакахъ то, что онъ чувствуетъ,—говорить о томъ, что онъ думаетъ.

Но внѣшнее выраженіе внутреннихъ религіозныхъ состояній человѣка непремѣнно должно быть правильнымъ и достойнымъ Бога, въ противномъ случаѣ,—оно не можетъ достигнуть своей цѣли и можетъ даже навлечь на человѣка гибельныя послѣдствія. Недостойное и неправильное служеніе не только не принимается Богомъ, но и оскорбляетъ Его величіе, возбуждаетъ Его гнѣвъ на человѣка и служитъ послѣднему въ грѣхъ. Между тѣмъ далеко не всѣ люди достигаютъ такой зрѣлости въ религіозно-нравственномъ отношеніи, чтобы могли сами опредѣлять внѣшнія формы для выраженія своего внутренняго богопочтенія. Предоставленный въ такомъ важномъ дѣлѣ единственно самому себѣ, человѣкъ, по причинѣ своей ограниченности, своего ничтожества и недостоинства предъ Богомъ, а съ другой стороны—по причинѣ неприступнаго величія Божія, легко можетъ прогнѣвать Бога и навлечь на себя Его праведный судъ.

Весьма важную услугу въ этомъ случаѣ оказываетъ человѣку обрядовая сторона христіанства, которая сама по себѣ есть ни что иное, какъ естественное и необходимое выраженіе внутренняго богопочтенія. Всѣ внутреннія религіозно-нравственныя мысли и чувства, проникающія душу человѣка, нашли въ ней свое полное и свойственное имъ обнаруженіе. Она установлена въ тѣ счастливыя времена, когда въ людяхъ изобиловалъ духъ вѣры и благочестія; она составлена мужами, прославившимися святостію жизни и высокими духовными дарованіями. Постигая въ совершенствѣ связь между духовнымъ и вещественнымъ, эти святые мужи имѣли полную возможность облечь и дѣйствительно облекли религіозныя идеи въ формы, вполнѣ имъ приличныя и соотвѣтствующія. Она содержитъ въ себѣ молитвы, вполнѣ достойныя Бога, которыя, будучи возсылаемы къ Нему, не разъ удостоивались Его благоволенія. По этому соблюденіе обрядовой стороны христіанства слу-

житъ для человѣка самымъ лучшимъ, вполнѣ достойнымъ и богоугоднымъ средствомъ и пособіемъ для выраженія его внутреннихъ и религіозныхъ стремленій, для обнаруженія всѣхъ тѣхъ мыслей и чувствованій, какія онъ имѣетъ въ отношеніи къ Богу.

Служа выраженіемъ нашего внутренняго богопочтенія, обрядовая сторона христіанства имѣетъ вслѣдствіе этого весьма важное значеніе въ дѣлѣ внутренняго религіозно-нравственнаго развитія и совершенствованія человѣка.

Человѣкъ предназначенъ въ христіанствѣ къ безконечному религіозно-нравственному усовершенствованію; къ этой цѣли онъ долженъ стремиться во всю свою жизнь. Его вѣра въ Бога должна быть твердымъ и постояннымъ, несомнѣннымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ ума и сердца въ истинѣ и дѣйствительности всего того, что Богъ благоволилъ открыть намъ для нашего спасенія. Его надежда и любовь къ Богу не должны быть временными, скоропреходящими, болѣе или менѣе случайными движеніями души; онѣ должны составлять неизмѣнное расположеніе ея, всегда готовое къ проявленію на дѣлѣ. Но всѣ вообще душевныя качества и расположенія, особенно болѣе возвышенныя и благородныя, или имѣющія болѣе другихъ значенія и приложенія къ жизни, пріобрѣтаются не вдругъ, когда бы мы захотѣли. Они образуются въ насъ лишь постепенно, подъ вліяніемъ часто - повторяющихся однообразныхъ впечатлѣній, которыя постоянно возбуждаютъ въ насъ одинаковыя движенія, обращающіяся потомъ въ навыкъ и постоянное достояніе нашего духа. Поэтому и религіозно-нравственное усовершенствованіе человѣка, преуспѣяніе его въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу необходимо нуждается въ правильно-расположенныхъ внѣшнихъ пособіяхъ, которыя бы возбуждали въ насъ святыя мысли и добрыя чувства и чрезъ частое повтореніе глубже вводили ихъ въ душу.

Обрядовая сторона христіанства въ этомъ случаѣ служитъ для насъ самымъ лучшимъ средствомъ и посо-

біемъ. Выражая во внѣшнихъ формахъ и дѣйствіяхъ наше внутреннее богопочтеніе, наши благочестивыя мысли и чувства, она въ тоже время способна вызывать и возбуждать въ насъ тѣ самыя душевныя состоянія, которыя ее породили. Вслѣдствіе этого она можетъ воспитывать въ насъ религіозно-нравственныя чувства, утверждать умъ въ вѣрѣ и укрѣплять волю въ добродѣтели, и такимъ образомъ представляетъ незамѣнимый рычагъ внутренняго религіозно-нравственнаго развитія и совершенствованія человѣка.

Такое свойство обрядовой стороны христіанства обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ней все носитъ по возможности печать изящнаго, все исполнено священной поэзіи и художественности. Величественный внѣшній видъ, расположеніе, устройство, благолѣпное украшеніе христіанскихъ храмовъ—все это не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенными жилыми зданіями, въ которыхъ люди проводятъ свою обыденную жизнь. Въ храмѣ мы видимъ различныя дѣйствія служителей алтаря Господня, священныя одежды, въ которыя они облачаются, частое кажденіе, то умноженіе, то уменьшеніе свѣта, различныя входы и выходы священно-служителей, то отверстыя, то заключенныя врата царскія. Здѣсь истинно-прекрасное является, такъ сказать, въ дѣйствіи и потому бываетъ еще прекраснѣе, чѣмъ какъ отражается оно на неподвижныхъ изображеніяхъ, украшающихъ внутренность храма. Наконецъ, въ храмѣ мы слышимъ чтеніе священныхъ книгъ, слышимъ стройное пѣніе церковныхъ пѣсней; пѣніе это есть самое удовлетворительное для слуха, самое животворное и питательное для сердца.

Внѣшнія дѣйствія и предметы, дѣйствуя на наши внѣшнія чувства, не остаются безъ вліянія на сердце, возбуждая въ немъ различныя чувствованія. Вся обрядовая сторона христіанства направлена, именно, къ тому, чтобы чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ прежде всего подѣйствовать на сердце человѣка и такимъ обра-

зомъ способствовать возбужденію и воспитанію въ немъ религіозно-нравственнаго чувства. Правда, истинно-прекрасное, которымъ запечатлѣна обрядовая сторона христіанства, дѣйствуя на сердце человѣка, непосредственно возбуждаетъ въ немъ эстетическое чувство, а не религіозно-нравственное. Но чувство религіозно-нравственное находится во внутренней неразрывной связи съ чувствомъ эстетическимъ, такъ что вліяніе обрядовой стороны христіанства на послѣднее неизбѣжно отражается и на первомъ. Связь между тѣмъ и другимъ чувствомъ основывается, во первыхъ, на природѣ чувства вообще, такъ какъ чувство, какъ и всѣ другія способности, просто и нераздѣльно;—а во вторыхъ, на свойствѣ того прекраснаго, которымъ проникнута обрядовая сторона христіанства. Въ произведеніяхъ свѣтскихъ искусствъ очень не рѣдко участвуютъ, а иногда даже и преобладаютъ порочныя наклонности и стремленія, или же пустыя житейскія мелочи, а потому и самыя эти произведенія бываютъ нечисты и въ то время, какъ услаждаютъ взоръ или слухъ человѣка, воображеніе его наполняютъ нечистыми представленіями. Но такое несогласіе и раздѣленіе между прекраснымъ и нравственнымъ встрѣчается лишь въ такъ называемыхъ свѣтскихъ искусствахъ, болѣе или менѣе уклоняющихся отъ своего истиннаго назначенія. Въ произведеніяхъ же христіанскаго искусства, къ которымъ относится обрядовая сторона православной церкви, религіозно-нравственное и прекрасное составляютъ совершеннѣйшій союзъ, сливаются до единства совершенно нераздѣльнаго. Это потому, что въ этихъ произведеніяхъ подъ прекрасною формою, которою они дѣйствуютъ на эстетическое чувство, предлагается религіозно-нравственное содержаніе. Такимъ образомъ обрядовая сторона христіанства, дѣйствуя на эстетическое чувство человѣка, въ тоже самое время дѣйствуетъ и на религіозно-нравственное. Само эстетическое чувство, развиваясь подъ вліяніемъ богослужебныхъ обрядовъ православной церк-

ви, исполненныхъ истинно-прекраснаго, становится религіозно-нравственнымъ по самой сущности своей. Чѣмъ чаще человѣкъ принимаетъ участіе въ общественномъ богослуженіи, чѣмъ чаще, слѣдовательно, возбуждается въ немъ религіозно-нравственное чувство, тѣмъ болѣе оно въ немъ укрѣпляется и возвышается.

Имѣя весьма важное воспитательное значеніе для чувства, обрядовая сторона христіанства уже поэтому одному не можетъ остаться безъ вліянія на умъ и волю человѣка. Чувство имѣетъ весьма важное значеніе въ жизни человѣка, оно есть главный двигатель ея: оно сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ другія стороны духовной жизни человѣка и даетъ имъ энергію и направленіе. Всякому извѣстно, какъ часто и легко умъ и воля человѣка покоряются его чувствамъ. Поэтому укрѣпленіе и возвышеніе религіозно-нравственнаго чувства можетъ имѣть могущественное и весьма благотворное вліяніе на умственную и нравственную дѣятельность человѣка и вообще на всю его жизнь. Подъ вліяніемъ этого чувства, умъ человѣка естественно болѣе и болѣе утверждается въ вѣрѣ въ Бога, а воля укрѣпляется въ добродѣтели. Кромѣ того—обрядовая сторона христіанства служитъ выраженіемъ не однихъ только религіозно-нравственныхъ чувствъ, въ ней подробно выражены всѣ болѣе или менѣе важныя истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія; такъ что, присутствуя при богослуженіяхъ, человѣкъ весьма легко можетъ изучить всѣ важнѣйшія истины христіанской религіи. Церковныя молитвы, чтенія, пѣснопѣнія, проповѣди, священныя изображенія и вся вообще внѣшняя обстановка христіанскихъ храмовъ, какъ имѣющая смыслъ духовный, таинственный:—все это можетъ дать весьма обильную пищу для нашего ума. Здѣсь подробно излагается—догматическое ученіе христіанства, ученіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку;—ученіе историческое, повѣствующее о бытіи и жизни міра и человѣческаго рода;—ученіе практическое о томъ, какъ мы должны жить, что

должны дѣлать и чего не дѣлать. Представляя эти высокія христіанскія истины въ наглядныхъ, чувственныхъ образахъ, обрядовая сторона христіанства способствуетъ ясному и отчетливому усвоенію ихъ; а облекая ихъ въ изящныя формы, она возбуждаетъ любовь къ нимъ, располагаетъ человѣка къ частому воспроизведенію ихъ въ сознаніи и такимъ образомъ способствуетъ укрѣпленію ихъ въ памяти.

Правда, мы привыкли къ церковнымъ обрядамъ, какъ къ дѣлу обыкновенному, и не рѣдко смотримъ на нихъ также равнодушно, какъ привыкли равнодушно смотрѣть на великія красоты міра Божія; и потому они, можетъ статься, мало занимаютъ насъ и еще менѣе дѣйствуютъ на наше эстетическое чувство. Но не по нашимъ вялымъ отяжелѣвшимъ чувствамъ должно судить о величіи и дѣйственности церковныхъ обрядовъ. Есть примѣры, что люди, никогда не видавшіе христіанскихъ обрядовъ, при первомъ взглядѣ на нихъ, чувствовали въ себѣ сильныя внутреннія движенія. Когда наши предки, еще не просвѣщенные свѣтомъ Евангелія, въ первый разъ узрѣли церковное богослуженіе въ Константинополѣ, то они такъ были имъ поражены и такъ сильно тронуты, что пришли въ неописанный восторгъ. «Мы видѣли богослуженіе греческое, говорили они, и думали, что стоимъ на небесахъ! Намъ показывали много великаго въ Римѣ, но то, что мы видѣли въ Константинополѣ, приводитъ умъ человѣческій въ изступленіе». Что поразило ихъ такъ сильно и привело въ неизъяснимый восторгъ? Преимущественно—церковныя священно-дѣйствія и блестящая обстановка: словъ они вѣроятно не понимали, потому что богослуженіе совершалось не на ихъ языкѣ. Вотъ до какой степени могутъ назидать и трогать одни церковныя обряды, безъ словъ! Нерѣдко самые враги христіанской религіи, при видѣ священныхъ торжествъ ея, проливали слезы и, забывъ свое предубѣжденіе противъ христіанства, тутъ же умиленно молились вмѣстѣ съ другими.

Но говорятъ, что разумъ человѣческій достигъ уже своей зрѣлости и потому болѣе не имѣетъ нужды во внѣшнихъ обрядахъ, какъ пособіи для своего религіозно-нравственнаго развитія и совершенствованія; они нужны развѣ только для простаго народа, который не понимаетъ сущности религіи, а не для людей образованныхъ. То правда, что для простаго народа, не способнаго къ глубокому размышленію, обрядовая сторона христіанства имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ для людей образованныхъ; она служитъ для него какъ-бы живою картиною, на которой онъ безъ труда можетъ видѣть всё, чему онъ долженъ вѣровать и какъ поступать. Но тѣмъ не менѣе обрядовая сторона христіанства не теряетъ своего значенія и для людей развитыхъ, потому что, на какой бы степени умственнаго и нравственнаго образованія человѣкъ ни находился, тѣсная связь души съ тѣломъ никогда не прекращается. Какъ существо духовно-чувственное, человѣкъ по самой природѣ своей не можетъ внутренно только преуспѣвать въ нравственномъ совершенствѣ, безъ всякаго внѣшняго возбужденія; для него всегда нужно нѣчто такое, что дѣйствовало-бы и на чувственную его природу, для того, чтобы чувства его были полнѣе и живѣе, мысли яснѣе и точнѣе. Поэтому, есличе ловѣкъ уклоняется отъ соблюденія обрядовой стороны христіанства, онъ чрезъ это лишается самаго дѣйствительнаго средства и пособія къ достиженію главной цѣли своей жизни— нравственнаго совершенства. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ, желая начать нравственную жизнь, не станетъ принимать участія во внѣшнемъ богослуженіи, которое возбуждаетъ святыя мысли и добрыя чувства и, чѣмъ чаще повторяется, тѣмъ глубже вводить ихъ въ душу, —то не будетъ ли онъ похожъ на дитя, которое берется за дѣльную книгу безъ знанія азбуки и безъ надежды когда-либо прочитать книгу? А если это будетъ человѣкъ, уже нѣсколько преуспѣвшій въ нравственной жизни, то не будетъ ли онъ похожъ на юношу, который,

вышедши изъ школы, оставляетъ навсегда книги, какъ принадлежность школы, и, обрекши себя цѣлую жизнь довольствоваться тѣмъ, что слышалъ ученикомъ, отнимаетъ у себя всякую возможность пойдти въ своихъ познаніяхъ далѣе, до той мѣры, которой можно было бы ожидать отъ него, когда онъ сдѣлается зрѣлымъ мужемъ? Мало того—не принимая участія во внѣшнемъ богослуженіи, человѣкъ положительно вредитъ себѣ, своему внутреннему богопочтенію. Онъ не только не развиваетъ, не укрѣпляетъ и не питаетъ своихъ религіозно-нравственныхъ чувствъ, не возбуждаетъ новыхъ, но ослабляетъ, подавляетъ и тѣ, какія есть въ его душѣ. Вслѣдствіе этого внутреннія религіозно-нравственныя мысли, чувства и стремленія человѣка—все это, скрываясь внутри и лишаясь необходимой опоры и поддержки, какъ бы замираетъ въ глубинѣ души, все это погасаетъ, какъ свѣтильникъ безъ елея, или какъ огонь, заключенный въ неимѣющемъ отверстія мѣстѣ.

Соблюденіе обрядовой стороны христіанства не дѣлается для человѣка излишнимъ и ненужнымъ и по мѣрѣ преуспѣянія его въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія. Напротивъ, съ постепеннымъ возрастаніемъ человѣка въ нравственной жизни, оно становится для него все болѣе и болѣе необходимымъ: оно служитъ тогда необходимымъ слѣдствіемъ его внутренняго благочестія. По причинѣ тѣсной связи души съ тѣломъ, болѣе сильныя, глубокія и постоянныя расположенія души тѣмъ настоятельнѣе требуютъ соотвѣтственныхъ имъ внѣшнихъ обнаруженій и потому, чѣмъ болѣе человѣкъ будетъ преуспѣвать въ вѣрѣ и благочестіи, тѣмъ съ бо́льшимъ ревніемъ будетъ стремиться ко внѣшнему выраженію своихъ внутреннихъ благочестивыхъ мыслей и чувствъ и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе нуждается въ соблюденіи обрядовой стороны христіанства, такъ какъ послѣдняя служитъ самымъ лучшимъ средствомъ для выраженія внутренняго богопочтенія. Вотъ почему самые великіе мужи, долго упражнявшіеся и усовер-

шавшіеся въ подвигахъ благочестія, самые великіе праведники, утвердившіеся въ нравственной жизни, во всю свою жизнь не оставляли и внѣшнихъ дѣлъ благочестія и, чѣмъ болѣе преуспѣвали въ нравственномъ усовершенствованіи, тѣмъ становились набожнѣе. Вообще, пока душа человѣка соединена съ тѣломъ, до тѣхъ поръ для его внутренняго богопочтенія необходима внѣшняя опора и поддержка, безъ которой оно не можетъ развиваться и расти, не можетъ быть твердымъ и прочнымъ и скоро падаетъ и погасаетъ, какъ это почти всегда и бываетъ съ тѣми, кои считаютъ излишнимъ и ненужнымъ соблюденіе обрядовой стороны христіанства.

Такимъ образомъ обрядовая сторона христіанства, возникшая изъ высшихъ религіозно-нравственныхъ потребностей и стремленій человѣческой души, служитъ для человѣка самымъ лучшимъ средствомъ для обнаруженія его внутренняго богопочтенія, для выраженія предъ Богомъ его религіозно нравственныхъ мыслей и чувствъ. Но служа выраженіемъ внутреннихъ религіозно-нравственныхъ потребностей и стремленій человѣческаго духа, она въ свою очередь способна вызывать тѣ самыя душевныя состоянія, которыя ее породили. Вслѣдствіе этого она можетъ возбуждать и воспитывать въ человѣкѣ религіозно-нравственное чувство, поддерживать, укрѣплять и возвышать въ немъ вѣру, надежду и любовь къ Богу и такимъ образомъ способствовать внутреннему религіозно-нравственному усовершенствованію человѣка. Но надобно замѣтить, что обрядовая сторона христіанства только тогда достигаетъ своей прекрасной цѣли, тогда только соотвѣтствуетъ своему истинному достоинству и значенію, когда, съ одной стороны, все бываетъ въ церкви Божіей благообразно и по чину, а съ другой стороны, когда человѣкъ обладаетъ свѣтлымъ и здравымъ умомъ и чистымъ, неиспорченнымъ сердцемъ.

*А. М.*

---

## ПОСТНАЯ ПИЩА СЪ НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстный русскій ученый проф. Бекетовъ написалъ замѣчательную статью по вопросу «о питаніи человѣческаго рода въ настоящемъ и будущемъ»,—статью, полную глубокаго теоретическаго интереса и обильную практическими выводами и примѣненіями. Работа проф. Бекетова, первоначально напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», была впослѣдствіи переведена на большинство европейскихъ языковъ и обратила на себя серьезное вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ. Но, къ сожалѣнію, у насъ на Руси, мысли, проводимыя проф. Бекетовымъ, не нашли надлежащаго распространенія и того глубокаго сочувствія, которое онѣ встрѣтили за границею; не смотря на всю глубину и оригинальность, не смотря на всю ихъ постановку на высотѣ современной науки, воззрѣнія профес. Бекетова пролетѣли какъ-то мимо нашего общественнаго сознанія и не пустили въ немъ глубокихъ корней. Мы постараемся въ возможно удобопонятной формѣ познакомить нашихъ читателей съ основными взглядами почтеннаго ученаго, тѣмъ болѣе, что тѣ выводы, къ которымъ пришелъ профессоръ Бекетовъ, имѣютъ самое близкое, такъ сказать, самое непосредственное соотношеніе съ христіанскимъ ученіемъ о постѣ, учрежденіемъ, установленнымъ Господомъ Богомъ и Св. Церковію, которому приходилось и приходится терпѣть не мало совершенно незаслуженныхъ нападокъ и глумленій со стороны нашего такъ называемаго «образованнаго» общества, считающаго «постъ» смѣшнымъ и нелѣпымъ обычаемъ, а «постную пищу»—безусловно вредной для человѣческаго организма. Дешевый либерализмъ считаетъ всегда какимъ то «шикомъ» смѣяться надъ постомъ и надъ постниками; это настроеніе настолько развито и распространено въ обществѣ, что многіе боятся даже сознаться, что употребляютъ постную пищу, изъ

ложнаго стыда подвергнуться граду насмѣшекъ и глумленій со стороны родныхъ и знакомыхъ. Данныя, представляемыя професс. Бекетовымъ, даютъ ученію о христіанскомъ постѣ блестящее научное обоснованіе и опору.

Вопросъ о томъ, какая пища наиболѣе пригодна для питанія человѣческаго организма, занималъ уже людей, начиная съ самой глубокой древности, и нашелъ себѣ практическое разрѣшеніе въ томъ смыслѣ, что наиболѣе культурные народы древняго міра остановились на растительной пищѣ. У индусовъ употребленіе мяса было запрещено положительнымъ закономъ. Пиѳагорейцы не употребляли мяса, а греки во времена пелопонезскихъ войнъ получили даже прозваніе «пожирателей листьевъ», что ясно указываетъ на растительный столъ. Спартанцы, энергія, храбрость и сила которыхъ вошли въ поговорку, кормили свое юношество также растительною пищею, и ихъ знаменитая «черная похлебка» состояла, судя по описаніямъ историковъ, чисто изъ растительныхъ ингредіентовъ и могла по своей питательности не только поспорить, но и выдержать полную конкуренцію съ тѣми мясными супами, которыми такъ усердно кормятъ современную молодежь въ англійскихъ школахъ и коллегіяхъ. Греческіе атлеты, пожинавшіе лавры за свою ловкость и силу на олимпійскихъ играхъ, воспитывались исключительно на «постномъ» столѣ; на исключительно растительной пищѣ воспитывали древніе евреи тѣхъ юношей, которые были посвящены Богу (1). Такимъ образомъ въ древнемъ мірѣ употребленіе растительной пищи было преобладающимъ, и есть данныя предполагать, что домашній скотъ употреблялся не столько для убоя, сколько для обработки земли и для жертвоприношеній. Но, если отъ образованныхъ народовъ древняго міра мы перейдемъ къ племенамъ, находящимся въ состояніи первобытной культуры, мы встрѣ-

(1) Вредно ли отзывалось дѣйствіе этой пищи на организмъ —можно судить по Сампсону, феноменальная сила котораго вошла въ поговорку.

тимся, наоборотъ, съ преимущественнымъ употребленіемъ животной пищи. Гренландецъ объѣдается ворванью, которую онъ тутъ же вырѣзалъ изъ пойманнаго имъ кита, а кровожадный камчадалъ уплетаетъ (по разсказу путешественника Карстена) за одинъ присѣстъ половину только что зарѣзаннаго барана; громадныя груды костей, найденныя вѣнскимъ проф. Гохштеттеромъ по берегамъ Новой Зеландіи, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о пищѣ полудикихъ туземцевъ—обитателей острова. Если прибавить ко всему этому наблюденія ученыхъ археологовъ надъ первобытными обитателями Европы, современниками мамонта, пещерной гіены и медвѣдя, не знавшими еще употребленія огня, слѣдовательно не имѣвшими возможности пользоваться продуктами земледѣлія и потому проводившими все свое существованіе въ охотѣ на дикихъ звѣрей, и если сопоставить со всѣмъ этимъ обширное распространеніе растительной пищи у цивилизованныхъ народовъ древняго міра; то положеніе профессора Бекетова, который видитъ въ употребленіи мясной пищи остатокъ первобытнаго варварства, становится болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія споръ о преимуществѣ того или другаго питательнаго режима (животнаго или растительнаго) возгорѣлся съ новою силою съ легкой руки Жанъ Жака-Руссо, извѣстнаго писателя и философа своей эпохи. Руссо, какъ всѣмъ извѣстно, считалъ высшимъ идеаломъ человѣчества возвращеніе людей къ ихъ первобытному состоянію, къ сельской жизни и природѣ, къ земледѣлію. Не мѣсто намъ здѣсь судить, ошибочны или нѣтъ были идеалы Руссо о человѣческомъ счастіи; скажемъ только то, что какъ необходимый логическій выводъ изъ этихъ идеаловъ, и было поставлено непремѣнное требованіе, чтобы человѣкъ питался исключительно растительною пищею. Благодаря искренности убѣжденія, съ которымъ Жанъ-Жакъ-Руссо защищалъ свои идеи, онъ оставлялъ за собою цѣлую массу самоотверженныхъ адептовъ. На этой-то почвѣ,

вспаханной впервые Руссо, и возникаетъ школа вегетаріанцевъ, получившая столь громадное распространеніе въ послѣднее время, которая насчитываетъ своихъ адептовъ въ Америкѣ, Англіи, Франціи и Германіи цѣлыми десятками тысячъ. Вегетаріанцами называются тѣ люди, которые, отказавшись навсегда отъ употребленія мяса, питаются исключительно растительною пищею. Нашъ крестьянинъ и рабочій, не слышавшій и во всю свою жизнь слова «вегетаріанецъ», самъ не сознавая того, есть вегетаріанецъ *по преимуществу*, ибо питается почти исключительно растительною пищей. Вредитъ ли она его здоровью, пусть на это отвѣтитъ вамъ бодрый, веселый видъ нашихъ крестьянъ, ихъ мускулистыя, способныя къ самому тяжелому труду руки; пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ созданія нашего народнаго эпоса—тѣ величавые и могучіе образы нашихъ «богатырей», которыхъ вскормила и вспоила наша святая матушка—Русь... Итакъ, если общества вегетаріанцевъ за границею считаютъ число своихъ адептовъ десятками тысячъ, то у насъ цѣлые милліоны людей питаются исключительно растительною пищею.

Цѣлые милліоны людей живутъ почти исключительно растительною пищею, живутъ и благоденствуютъ, бодры, здоровы и дѣятельны! Казалось бы, что уже одно это безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ должно было бы убѣдить насъ въ тѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ и преимуществахъ, которыя имѣетъ растительная пища... но увы!.. на пути этого признанія стоятъ опыты извѣстныхъ физіологовъ. Постараемся подойти къ нимъ поближе: быть можетъ, какъ нибудь намъ и удастся выяснить мнимое противорѣчіе. Дѣло въ томъ, что животныя вещества содержатъ въ себѣ гораздо больше азота, чѣмъ растительныя, а азотъ представляетъ собою главнѣйшую составную часть бѣлковинныхъ веществъ, изъ которыхъ построена большая часть тканей человѣческаго тѣла; кромѣ того, растительная пища содержитъ въ себѣ значительно больше воды и жиро-

образователей, столь же необходимыхъ для организма, какъ и мясо. Но указываетъ ли все это на пищу смѣшанную, т. е. составленную изъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ, какъ на наиболѣе подходящую къ потребностямъ питанія человѣческаго организма? Не закрывая глазъ на встрѣтившееся намъ препятствіе, отвѣтимъ: *повидимому*, да! Мюнхенскій профессоръ Петтенкоферъ дѣлалъ опыты надъ человѣкомъ, съ цѣлью опредѣлить количество различныхъ питательныхъ веществъ и той пропорціи, которая должна существовать между послѣдними для того, чтобы тѣло хорошо питалось и поддерживало свое здоровье.

Эти опыты привели къ тому заключенію, что если мы будемъ питать человѣка веществами, лишенными азота, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго кормленія явится потеря въ вѣсѣ; но если въ пищѣ будетъ примѣшана хотя бы только пятая часть бѣлковыхъ (содержащихъ азотъ) веществъ, то является уже нѣкоторая прибавка въ вѣсѣ тѣла. Отсюда Петтенкоферъ и выводитъ заключеніе, что нормальная пища человѣка должна быть не животная или растительная, а смѣшанная изъ тѣхъ и другихъ составныхъ частей. Но въ опытахъ знаменитаго мюнхенскаго ученаго—гигіениста допущенъ громадный пробѣлъ. Основная ошибка Петтенкофера заключается именно въ томъ, что его наблюденія продолжались очень короткое время и производились надъ однимъ и тѣмъ же субъектомъ, а выводы изъ единичныхъ индивидуальныхъ наблюденій распространены на весь человѣческій родъ.

Проф. Петтенкоферъ совершенно выпустилъ изъ виду очень простое обстоятельство, что организмъ каждаго человѣка приспособился къ тому или другому роду пищи, которая употреблялась въ его домашнемъ быту и которой питались его предки и отцы. У каждаго человѣка есть своя *привычная* пища, и это очень хорошо знаетъ нашъ простой народъ, свѣжая голова котораго не затуманена различными премудростями науки. «Что рус-

скому здорово, то нѣмцу смерть»!—говоритъ пословица. Русскій крестьянинъ вполнѣ довольствуется своими щами и кашей, точно также, какъ аристократъ своими англійскими ростбифами и соусами, безъ которыхъ онъ жить не можетъ. Посмотрѣли бы мы, что запѣлъ бы и тотъ и другой, если бы имъ предложили помѣняться пищей? Остались бы они здоровы? Конечно, нѣтъ.

«Привычка—вторая натура», и, какъ такокая, имѣетъ свои права, которыя безъ вреда для организма нарушать не приходится. Невозможно подводить всѣхъ людей подъ одинъ шаблонъ и совершенно игнорировать индивидуальность. Выводы Петтенкофера совершенно вѣрны только относительно того студента—нѣмца, надъ которымъ онъ экспериментировалъ; но они были бы несравненно болѣе точны и убѣдительны, еслибы Петтенкоферъ производилъ свои опыты не *надъ однимъ* человѣкомъ, случайно взятымъ на испытаніе, но *надъ цѣлымъ рядомъ* людей различнаго возраста, пола, общественнаго положенія, національности и т. д. Мы увѣрены, что еслибы проф. Петтенкоферъ посадилъ въ свою камеру русскаго крестьянина, употребляющаго почти исключительно растительную пищу, или киргиза, питающагося преимущественно кониной, то результаты получились бы совершенно противуположные и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Итакъ опыты Петтенкофера (не смотря на всю ихъ блестящую экспериментальную постановку) представляются далеко не такъ убѣдительными, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Другихъ же опытовъ въ этомъ направленіи учеными производимо не было.

Приверженцы смѣшанной пищи весьма часто приводятъ въ подтвержденіе своихъ воззрѣній нѣкоторыя данныя, взятыя изъ различныхъ сопоставленій устройства тѣла человѣка и высшихъ животныхъ. Вотъ почему мы и переходимъ теперь къ фактамъ, представляемымъ сравнительною анатоміею. Извѣстно, что длина кишечнаго канала находится въ тѣсномъ соотноше-

ніи съ пищей животныхъ. Животныя, питающіяся мясомъ, имѣютъ самый короткій кишечный каналъ; наоборотъ, кишечный каналъ животныхъ травоядныхъ имѣетъ наибольшую длину. Такъ, напр., кишечный каналъ льва только втрое длиннѣе тѣла, тогда какъ кишечный каналъ овцы превосходитъ длину ея тѣла въ двадцать восемь разъ. Подобное соотношеніе между родомъ пищи и длиной кишечнаго канала считается однимъ изъ неоспоримыхъ положеній сравнительной анатоміи.

Длина кишечнаго канала у человѣка въ шесть разъ превосходитъ длину тѣла и занимаетъ, слѣдовательно, какъ бы средину между кишечн. каналомъ плотоядныхъ и травоядныхъ животныхъ; изъ этого анатомы и выводятъ, что по самому устройству пищеварительнаго аппарата человѣческій организмъ приспособленъ ни къ исключительно животной пищѣ, ни къ пищѣ исключительно растительной, а къ пищѣ, *смѣшанной* изъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ. Казалось бы, что и это болѣе, чѣмъ убѣдительно! Но какъ разъ точно такое отношеніе длины кишечнаго канала къ длинѣ тѣла существуетъ и у антропоморфныхъ обезьянъ (орангъутанга, шимпанзе, гориллы), питающихся *исключительно* растительной пищей. Аналогія на этотъ разъ не вывезла. Пробовали также причислять человѣка къ всеяднымъ на основаніи устройства его зубовъ. Изъ того, что у человѣка существуютъ всѣ три рода зубовъ— клыки, рѣзцы и коренные—ученые и заключили, что человѣкъ существо всеядное, т. е. приспособленное ко всѣмъ родамъ пищи безъ исключенія. Ученые пошли еще дальше: думали даже найти аналогію между зубами человѣка и наиболѣе всеяднымъ звѣремъ.... sit venia verbo!.. поросенкомъ,—аналогію, за которую любой экзаменаторъ по сравнительной анатоміи поставилъ бы единицу, ибо у поросенка 44 зуба, клыки выростаютъ изо рта и служатъ орудіями защиты, а коренные зубы имѣютъ остроконечныя бугорчатыя возвышенія, тогда какъ поверхность коренныхъ зубовъ человѣка шероховата.

Вотъ до какихъ курьезовъ могутъ договориться ученые, если въ своихъ изысканіяхъ они будутъ заниматься не спокойнымъ изученіемъ фактовъ, а руководиться предвзятыми идеями! Въ дѣйствительности же зубная система человѣка поразительно сходна съ зубною системою антропоморфныхъ обезьянъ, питающихся, какъ мы сказали, исключительно растительною пищею. Какъ у тѣхъ, такъ у человѣка число зубовъ совершенно одинаково, клыки тупые и не лежатъ выше рѣзцовъ, а коренные зубы снабжены перетирающими поверхностями. Тождество зубовъ у человѣка и у антропоморфныхъ обезьянъ настолько полно, что многіе естествоиспытатели заявили, что если бы они нашли ископаемую челюсть съ вышеописанными зубами, то они были бы поставлены въ полное недоумѣніе, кому приписать эту челюсть (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что и многія находки «первобытнаго» человѣка въ древнихъ пластахъ земли покоятся на столь же шаткомъ основаніи.

Къ тому выводу, что человѣкъ есть существо травоядное, пришелъ впервые знаменитый Кювье на основаніи изслѣдованія зубной формулы. По его мнѣнію, открытіе огня произвело коренной переворотъ въ питаніи всего человѣческаго рода, давъ людямъ возможность приготовлять животную пищу.

---

(1) Говоря о сходствѣ нѣкоторыхъ органовъ у человѣка и у обезьянъ, мы должны нѣсколько оговориться. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ естествоиспытателей, основываясь на единствѣ типа строенія, заключили о единствѣ происхожденія. Въ настоящее время нелѣпая теорія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны мало по малу оставляется даже самыми горячими послѣдователями теоріи перерожденія. «Было бы столь же нелѣпо отыскивать нашихъ предковъ среди нашихъ современниковъ, какъ и отыскивать человѣческаго родича въ цѣпи нынѣ живущихъ существъ», говоритъ одинъ изъ выдающихся анатомовъ, выставляя на видъ всю логическую нелѣпость такъ называемой «питекоидной» теоріи. Самъ Дарвинъ и наиболѣе солидные изъ дарвинистовъ *нигдѣ* не упоминаютъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны.

Итакъ по своей тѣлесной организаціи человѣкъ приспособленъ къ растительной пищѣ. Но это игнорируютъ физіологи, требуя, чтобы люди питались непремѣнно смѣшанной пищей, т. е. прибавляли къ пищевымъ средствамъ, взятымъ изъ растительнаго царства, извѣстную пропорцію мяса. Посмотримъ, возможно ли осуществить на практикѣ подобное требованіе, еслибы оно даже было безусловно справедливымъ. На это намъ краснорѣчиво отвѣтятъ статистическія данныя о количествѣ потребляемаго мяса по отношенію къ наличному населенію земнаго шара.

По даннымъ статистики въ Европѣ потребляется гораздо больше мяса, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта, но не смотря на это, средняя цифра потребленія этого продукта весьма ничтожна. Наиболѣе потребляетъ мяса Англія, гдѣ на каждаго человѣка приходится среднимъ числомъ 25 золотниковъ въ день; наименьшая цифра потребленія мяса (9 золотниковъ на человѣка) принадлежитъ безспорно нашему отечеству. Но, если принять во вниманіе, что большая часть мяса потребляется жителями большихъ городовъ (1), то количество потребляемаго мяса на каждаго человѣка значительно понижается. Мы видимъ, слѣдовательно, что требованіе на мясо относительно весьма не велико. Но, какъ показываетъ намъ таже статистика, даже и подобный, крайне скромный запросъ на мясо, далеко не исчерпывается наличнымъ запасомъ скота. Вычислено, что если убить весь европейскій скотъ и раздѣлить его поровну между 280 милл. населенія Европы, то и тогда его не хватило бы на годъ, даже при самомъ скромномъ потребленіи (т. е. по 9 золотниковъ въ день), тогда какъ физіологія требуетъ не менѣе трети фунта для ежедневной порціи мяса.

---

(1) Въ Лондонѣ каждый житель потребляетъ ежедневно среднимъ числомъ 65 зол. мяса, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ около 56 золотниковъ.

Слѣдовательно, если бы физіологи—экспериментаторы были безусловно правы въ своихъ выводахъ и основанныхъ на оныхъ діэтетическихъ требованіяхъ, то на практикѣ оказалась бы полнѣйшая невозможность удовлетворить эти требованія.

Что же дѣлать, ежели животная пища будетъ постепенно убывать и наконецъ совершенно исчезнетъ съ лица земли? Тогда, отвѣтимъ мы, людямъ придется волею не волею питаться исключительно растительною пищею. Такова роковая воля судебъ, «ея же не прейдеши».

Химики тщательно разложили главнѣйшіе животные и растительные продукты на ихъ ближайшія составныя части и нашли, что и тѣ, и другія имѣютъ одинаковый качественный составъ, т. е. какъ въ тѣ, такъ и въ другія входятъ одни и тѣ же вещества, необходимыя для питанія организма—вода, бѣлковыя вещества, жиры и жирообразователи, съ той только разницею, что количественное отношеніе ихъ въ пищѣ животной и растительной различны. Такъ растительныя вещества вообще содержатъ больше воды и гораздо меньшее число азотистыхъ (бѣлковыхъ веществъ), но и среди растительныхъ веществъ есть много такихъ, которыя по своему содержанію бѣлковыхъ веществъ не только равняются мясу, но и превосходятъ послѣднее. Изъ таблицъ Карла Фохта (весьма почтеннаго ученаго, но котораго ужь никакъ нельзя причислить къ приверженцамъ христіанскаго поста!), приводимыхъ Бекетовымъ, ясно видно, что горохъ и чечевица содержатъ въ себѣ гораздо больше бѣлка, чѣмъ мясо самаго откормленнаго быка. На 1000 вѣсовыхъ частей чечевицы приходится 264,94 ч. бѣлковыхъ веществъ, на то же количество гороха ихъ приходится 213,52 ч., тогда какъ въ 1000 ч. бычачьяго мяса былковыхъ веществъ всего только 174,63 ч. (1).

(1) Замѣчательно, что результаты этихъ анализовъ опубликованы Карломъ Фохтомъ уже болѣе *сорока* лѣтъ тому назадъ, но почему-то не приводятся противниками растительной пищи.. Этотъ фактъ говоритъ уже самъ за себя съ стороны далеко некрасивой.

Съ другой стороны изъ таблицъ того же Карла Фохта слѣдуетъ, что въ мясѣ и во всѣхъ видахъ животной пищи совершенно отсутствуютъ такъ называемые углеводы, т. е. вещества, способныя превращаться въ жиръ, столь необходимый для всѣхъ тканей человѣческаго организма.

Итакъ горохъ и чечевица, равно какъ и всѣ зерна бобовыхъ растеній, содержатъ въ себѣ очень много бѣлковыхъ веществъ, и пригодность ихъ для питанія вполнѣ подтверждена опытами д-ра Ворошилова, произведенными имъ надъ самимъ собою. Докторъ Ворошиловъ произвелъ двѣ серіи наблюденій: питаясь опредѣленными количествами хлѣба и сахара, онъ прибавлялъ къ своей ежедневной порціи въ одномъ случаѣ мясо, въ другомъ—замѣнялъ мясо горохомъ и пришелъ къ тому результату, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ организмъ его пріобрѣлъ и въ силѣ и въ вѣсѣ.

Слѣдовательно, не только по теоріи, но и на практикѣ горохъ можетъ служить прекраснымъ субстратомъ мяса (1), и ужь никакъ нельзя согласиться съ извѣстнымъ медицинскимъ популяризаторомъ професс. Бокомъ, что только тотъ рекомендуетъ питать населеніе горохомъ, у кого самаго голова набита горохомъ!

Что касается до содержанія бѣлковыхъ веществъ въ пшеницѣ, то отмѣтимъ слѣдующее. Въ пшеничномъ *зернѣ* этихъ, чрезвычайно важныхъ для питанія организма, веществъ, содержится 135 ч. на 1000, но въ пшеничной *мукѣ* ихъ содержаніе падаетъ на 127 ч. и наконецъ въ *хлѣбѣ* заключается не болѣе 90 ч. бѣлковины. Въ чемъ же искать причину подобнаго уменьшенія? Оказывается, что наибольшее процентное содержаніе азотистыхъ (бѣлковыхъ) веществъ падаетъ на тушелуху, которая сдирается мельничнымъ жерновомъ, а минимумъ приходится на внутреннюю часть зерна, кото-

---

(1) По Бекетову, турецкіе бобы составляютъ почти исключительную пищу жителей Турціи и Имеретіи, въ Закавказьи.

дѣятельности организма. Непотребленныя организмомъ азотистыя соединенія отлагаются въ видѣ мочекислыхъ солей въ суставахъ рукъ и ногъ и причиняютъ больнымъ невыносимыя страданія. Эта тяжелая и неизлечимая болѣзнь, стоящая въ непосредственной связи съ употребленіемъ мяса, встрѣчается исключительно въ высшихъ классахъ общества, потребляющихъ наиболѣе мяса, и совершенно неизвѣстна въ средѣ нашего простонародья, питающагося растительною пищею.

Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ прежде мало употребляли мяса, ея вовсе не существовало, а съ введеніемъ мясной пищи число жертвъ стало годъ отъ году все болѣе и болѣе увеличиваться. Примѣромъ тому можетъ служить Францiя за послѣднее десятилѣтіе. Вслѣдствіе почти эпидемическаго распространенія малокровія среди французовъ, спросъ на мясо въ этой странѣ началъ годъ отъ году все болѣе и болѣе увеличиваться; пропорціонально этому возрастала и подагра, достигшая въ послѣднее время въ Парижѣ до ужасающихъ размѣровъ. На ряду съ этими достигъ громаднаго распространенія и другой недугъ—ревматизмъ, этотъ постоянный спутникъ мясной пищи.

Не говоря уже о цѣлой массѣ болѣзней, которыя передаются намъ чрезъ мясо, упомянемъ о страшномъ бичѣ человѣчества, который уноситъ въ преждевременную могилу столькихъ дорогихъ намъ людей. Мы говоримъ о легочной чахоткѣ, про которую теперь достовѣрно извѣстно, что люди ею заражаются преимущественно черезъ мясо и молоко. Тоже самое, по мнѣнію многихъ компетентныхъ врачей, можно сказать и о ракѣ.

Затѣмъ путемъ животной пищи мы постоянно заражаемся глистами и, какъ показываетъ врачебно-медицинская статистика, гораздо чаще, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Ничего подобнаго не влечетъ за собою употребленіе растительной пищи; при подобномъ режимѣ человѣчество сохранило бы о многихъ болѣзняхъ только одно воспоминаніе.

Въ заключеніе намъ остается посчитаться съ однимъ предразсудкомъ, слишкомъ уже распространеннымъ въ нашемъ обществѣ, даже между очень почтенными и учеными людьми. Считается почти аксіомою, что безъ употребленія мяса наша мускульная ткань ослабѣваетъ и вмѣстѣ съ нею исчезаетъ крѣпость и сила человѣка. Всѣмъ извѣстно, что для развитія органа необходимо упражнять его и что наша мускульная ткань ослабѣваетъ и исчезаетъ отъ недостаточнаго мускульнаго труда, какого бы высокаго качества мясо мы ни употребляли. Взгляните на мускулистыя руки нашего крестьянина, живущаго физическимъ трудомъ, и на дряблыя, тощія щупальца еврея, который считаетъ для себя такой честный трудъ дѣломъ низкимъ и позорнымъ..

Comparaison n' est pas raison, сравненіе не доказательство, но тѣмъ не менѣе мы часто обращаемся къ животнымъ и полученные отъ наблюденія надъ ними выводы переносимъ на человѣка. Быкъ и лошадь работаютъ неутомимо цѣлые дни безъ устали и питаются исключительно растеніями; сила ихъ и выносливость вошли въ поговорки. Левъ и тигръ, которые скорѣе умрутъ съ голода, чѣмъ начнутъ ѣсть траву, способны, правда, проявлять громадную силу, но энергія ихъ непродолжительна—большую часть своего времени они проводятъ во снѣ.

Всѣ приведенные нами факты съ достаточною ясностью могутъ убѣдить читателя не только въ полной пригодности растительной пищи для питанія организма, но и во многихъ ея преимуществахъ предъ животною.

Поэтому Св. Церковь, устанавливая посты, не отстала отъ требованій науки, но, можно сказать, опередила послѣднія.

(Руководство для сельск. пастырей).

---

## ОДНА ИЗЪ МѢРЪ КЪ УСТРАНЕНІЮ БЕЗПОРЯДКОВЪ ПРИ ИСПОВѢДИ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Извѣстно, какія непріятности приходится испытывать священнику во время исповѣди въ Великій постъ. Громадная масса народа давитъ другъ друга, толкается, шумитъ, нерѣдко слышна и брань изъ-за очереди, кому приступать къ исповѣди. Нерѣдко перила трещатъ и валятся отъ напора этой массы, нерѣдко слышишь и строгій тонъ рѣчи священника. Правомъ первенства пользуются исключительно сильные, дюжіе мужики, одолѣвающіе слабыхъ и малолѣтнихъ; послѣдніе, равно и женщины, безспорно уступаютъ превосходству физической силы первыхъ, хотя по праву, не вытекающему изъ физической силы, они должны быть предпочтены предъ первыми. Такой порядокъ не нормаленъ, хотя бы даже со стороны нарушенія благочинія церковнаго, приличествующаго святости мѣста. Онъ не удобенъ и стѣснителенъ для самаго духовника, равно и исповѣдующагося лица, такъ какъ ихъ обоихъ стѣсняетъ ближайшее присутствіе осаждающей толпы. Поэтому почти всѣ священники всегда возставали и возстаютъ противъ этого зла и для обузданія нахаловъ изобрѣтаютъ разные мѣры и средства: однихъ наказываютъ поклонами, другимъ откладываютъ исповѣдь на день—два и далѣе: иные вызываютъ для исповѣди стоящихъ назади бабъ и дѣтей, каждаго порознь, при чемъ приходится для нихъ всякій разъ прочищать дорогу сквозь плотный строй толпы, а сія послѣдняя, какъ нарочно, неохотно разступается. Иные наконецъ священники, выведенные изъ терпѣнія, скидаютъ съ себя эпитрахиль и уходятъ на нѣкоторое время изъ церкви, заставляя такимъ образомъ толпу въ наказаніе дожидаться.. И въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ священники выносятъ одно лишь сознаніе, что «съ ними т. е. исповѣдниками, рѣшительно ничего не подѣлаешь». Многіе почтенные старики священники, весь

свой вѣкъ изжившіе на одномъ и томъ же приходѣ, откровенно сознавались, что они все таки не успѣвали завести порядка при исповѣди. Что же дѣлать? Какъ быть? Какъ устранить безпорядокъ, нарушающій церковное благочиніе и мѣшающій дѣлу исповѣди? Прекрасную мѣру для этого предлагаетъ одинъ священникъ на страницахъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Мѣра эта, рекомендуемая другимъ священникамъ, имъ самимъ уже испытана и оказалась вполнѣ цѣлесообразною и успѣшною. Порядокъ при исповѣди былъ установленъ этимъ священникомъ такимъ образомъ. До начала Великаго поста онъ отправился по деревнямъ своего прихода и списалъ «порядокъ», въ какомъ слѣдуютъ крестьянскіе «хаты» одна за другою. Если хаты были расположены по обѣимъ сторонамъ улицы, то онъ сначала списывалъ расположенныя по одной половинѣ улицы, а потомъ по другой. При этомъ священникъ заблаговременно объявлялъ крестьянамъ каждой деревни, чтобы они хорошенько помнили порядокъ списыванія хатъ, «ибо—добавлялъ онъ—въ такомъ именно порядкѣ вы теперь будете подходить къ исповѣди». Чтобы не затруднять себя долгимъ отыскиваніемъ въ спискѣ именъ хозяевъ семействъ, онъ отмѣчалъ имена хозяевъ возможно крупными буквами, въ спискѣ сразу выдѣлявшими ихъ изъ среды прочихъ прихожанъ. Когда работа эта была подготовлена и всѣ деревни были списаны, вызвана была къ говѣнію первая очередь одной деревни. Призванные явились и сначала сдѣлали было попытку возвратиться къ прежнему порядку, но священникъ заявилъ свое твердое намѣреніе вывести его на всегда и, взявъ въ руки списокъ, громко сталъ вызывать сначала семейство хозяина первой хаты, потомъ второй, затѣмъ третьей и т. д. Услыхавъ это, налегавшая толпа сразу подалась назадъ и стала выжидать своей очереди. Такимъ образомъ порядокъ былъ установленъ и прежняя давка, шумъ, толкотня и другія безобразія при исповѣди исчезли и стали даже не возможными. Чтобы

при такомъ порядкѣ соблюсти полную справедливость и не обижать хозяевъ и семействъ, записанныхъ въ спискѣ послѣдними, и, наоборотъ, не отказывать всегда предпочтенія тѣмъ, которые записаны первыми, принято за правило въ одномъ году начинать исповѣдь съ одного конца деревни, а въ другомъ—съ другаго, противоположнаго. Такимъ образомъ въ одномъ году исповѣдь начинается съ хаты Ивана и кончается хатою Андрея, а въ другомъ году начинается съ Андрея и кончается Иваномъ. Всѣ крестьяне остались весьма довольны такимъ порядкомъ. И нельзя быть недовольнымъ имъ. Здѣсь прежде всего нѣтъ мѣста физической силѣ и нахальству и потому никто не можетъ быть обиженъ: богатые и бѣдные, сильные и слабые являются здѣсь по необходимости въ равномъ достоинствѣ, и не можетъ быть повода къ упрекамъ, въ родѣ того, «почему вы, батюшка, меня не приняли прежде?» или «почему такого-то отпустили раньше, когда онъ пришелъ позже меня?... Впрочемъ для немощныхъ, стариковъ и матерей грудныхъ дѣтей дѣлается исключеніе, и они вызываются къ исповѣди прежде другихъ. Выгодною стороною такого порядка является и то, что нѣтъ надобности перелистывать безчисленное число разъ исповѣдную вѣдомость для отысканія каждой нужной личности; всѣ являются и подходятъ къ исповѣди въ строгомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Наконецъ, кромѣ водворенія тишины и порядка въ храмѣ и средѣ говѣющихъ, этою мѣрою могутъ быть достигнуты и другія благія цѣли. Какъ скоро водворена тишина, является возможность обучать народъ повседневнымъ молитвамъ, что затруднительно среди шума, толкотни и гама, когда всякій говѣющій спѣшитъ и думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться. Такъ какъ исповѣдь продолжается иногда 5—6 и болѣе часовъ и за исключеніемъ нѣсколькихъ, стоящихъ на очереди, вся остальная масса спокойно выжидаетъ своей очереди, то является возможность другому лицу, діакону или псаломщику, заняться съ нею полезнымъ дѣломъ—

обученіемъ молитвъ. Это тѣмъ болѣе возможно и достижимо, что порядокъ и тишина невольно содѣйствуютъ благоговѣйному душевному настроенію говѣльщиковъ и располагаютъ ихъ къ молитвѣ.

*(Лит. Епарх. Вѣд. 1883 г. № 13).*

---

## ОБЪ УСТРАНЕНІИ ЗАТРУДНЕНІЙ ПРИ ПРИЧАЩЕНІИ ПРИХОЖАНЪ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Сельскіе прихожане, какъ извѣстно, избираютъ для говѣнія и причащенія большею частію первую недѣлю Великаго поста, чтобы въ теченіи остальной части поста не прерывать своихъ работъ. Въ особенности распространенъ этотъ обычай въ тѣхъ приходахъ, жители которыхъ, занимаясь отхожими промыслами, только во время масляницы и первой недѣли Великаго поста живутъ въ своихъ селахъ и деревняхъ, а за тѣмъ до Пасхи проводятъ время па какихъ либо работахъ внѣ своего прихода. Поэтому въ субботу первой недѣли Великаго поста въ сельскихъ церквахъ обыкновенно является масса причастниковъ, что въ особенности затрудняетъ тѣхъ священниковъ, которые не имѣютъ діаконовъ и которые должны служить въ холодныхъ церквахъ. Главное затрудненіе составляетъ необходимость держать чашу съ св. дарами въ одной рукѣ при причащенія прихожанъ, продолжающемся иногда два—три часа. Мало помогаютъ при этомъ и кратковременные перерывы, дѣлаемые священникомъ для необходимаго отдохновенія и отогрѣванія своихъ, иногда вполнѣ окоченѣвающихъ рукъ. Въ результатѣ всегда почти получается сильное и продолжительное утомленіе, а иногда даже и болѣзненное разслабленіе. Поэтому нѣкоторые священники раздѣляютъ готовящихся къ причащенію на три группы, изъ которыхъ первыя двѣ причащаются въ среду и пятницу. Но многіе изъ священниковъ не находятъ возможнымъ поступать такъ вслѣдствіе опасенія

нарушить издавна существующій въ ихъ приходахъ обычай причащенія прихожанъ на первой недѣли Великаго поста лишь въ субботу или по другимъ какимъ либо соображеніямъ. Поэтому мы считаемъ не безполезнымъ обратить вниманіе такихъ священниковъ на способъ, употребляемый для избѣжанія указаннаго нами затрудненія однимъ изъ священниковъ кіевской епархіи. Въ тѣ дни, когда ожидается много причастниковъ, онъ укрѣпляетъ подлѣ амвона особую подставку, и если во время причащенія прихожанъ рука, державшая сосудъ съ св. дарами, утомляется, то онъ ставитъ сосудъ на эту подставку, поддерживая его рукою.

Но несравненно лучшій обычай существуетъ въ нѣкоторыхъ селахъ Полтавской Епархіи. Тамъ, когда бываетъ много причастниковъ, во время причащенія обыкновенно два человѣка изъ болѣе набожныхъ прихожанъ держатъ впереди священника подъ св. чашею распростертый «воздухъ», въ который священникъ и упирается не много лѣвою рукою съ св. чашею, чѣмъ значительно облегчаетъ трудъ держать руку долгое время въ горизонтальномъ положеніи. Думается, что это лучше всякой подставки...

*(Руков. для сельск. пастырей).*

## ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

**Собраніе Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.**—14 февраля, въ день Св. Кирилла, происходило торжественное годовое засѣданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Большой залъ городской думы былъ переполненъ публикой. Среди членовъ совѣта Общества, почетныя мѣста занимали митрополиты Московскій Іоанникій и Кіевскій Платонъ.

Засѣданіе было открыто пѣніемъ псалма, исполненнаго студентами Духовной Академіи. Затѣмъ секретарь Общества и вмѣстѣ почетный членъ его В. И. Аристовъ прочиталъ отчетъ за

истекшій 1883 годъ. 7 мая 1883 года исполнилось 15 лѣтъ со времени учрежденія Славянскаго Благотворительнаго Комитета, переименованнаго въ 1877 году въ Общество. Сборникъ постановленій Общества за 15 лѣтъ, изданный въ прошломъ году, даетъ полное представленіе о прошедшей дѣятельности Общества. Вниманіе Общества въ отчетномъ году главнымъ образомъ было направлено на издательскую дѣятельность: кромѣ упомянутаго сборника, Общество имѣетъ свой журналъ: *Извѣстія С.-Петерб. Слав. Благ. Общ.* и учредило особую издательскую коммиссію, имѣющую цѣлью обнародованіе наиболѣе серіозныхъ трудовъ по вопросамъ славянства; кромѣ того, Общество было занято назначеніемъ стипендій, выдачей наградъ, ходатайствомъ о возобновленіи кружечнаго сбора въ пользу Славянъ, разрѣшеннымъ Св. Синодомъ. Стипендіатами Общества въ разныхъ высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ состоятъ 19 человѣкъ. Членовъ Общества состояло къ 1 января 1884 года: почетныхъ 30, пожизненныхъ 47 и дѣйствительныхъ 131. Въ 1883 году въ почетные члены избраны митрополитъ Московскій Іоанникій, проф. В. И. Ламанскій, И. И. Смоляръ, извѣстный печальникъ Лужицкаго народа; въ пожизненные члены между прочими избранъ, уже въ текущемъ году, Леонтій, архіепископъ Холмскій и Варшавскій. Въ числѣ умершихъ членовъ нельзя не отмѣтить И. И. Петрова, надъ могилой котораго, по почину совѣта, будетъ поставленъ памятникъ, и Р. А Фадѣева. Предсѣдателемъ совѣта въ истекшемъ году былъ избранъ П. П. Дурново и товарищемъ предсѣдателя М. А. Домонтовичъ.

Къ 1 января 1883 года Общество имѣло 233,108 р., въ теченіе 1883 года поступило 43.638 р., израсходовано 51.230 руб. и къ настоящему году имѣется остатокъ въ 225.516 руб.

Въ отчетномъ году Общество имѣло 8 общихъ собраній, въ числѣ ихъ одно торжественное, и 19 собраній совѣта. Въ одномъ изъ послѣднихъ проф. М. І. Кояловичъ внесъ предложеніе о помощи западнымъ Славянамъ. «Выдающіеся дѣятели среди Галичанъ, сказано въ воззваніи, безжалостно подвергаются гоненіямъ враговъ; они осуждены самымъ возмутительнымъ образомъ и томятся во Львовской тюрьмѣ.» Совѣтъ удѣлилъ въ ихъ пользу изъ средствъ Общества семь т. р., но въ

виду недостаточности этой помощи, Комитетъ предложилъ подписку. По поводу этого воззванія высокопреосвященный Іоанникій сказалъ слово о необходимости помощи «нашимъ братьямъ», съ точки зрѣнія христіанской любви и съ цѣлью поддержать общую съ нами вѣру и церковь, закончивъ его молитвой о смягченіи сердецъ мучителей Славянства. Въ подпискѣ приняли участіе: П. П. Дурново на 1.000 р., владыка Московскій на 300 р., владыка Кіевскій на 300 р. и другіе.

Затѣмъ были объявлены темы для сочиненій на соисканіе премій: Кирилло-Меѳодіевской, исключительно для студентовъ духовныхъ академій и университетовъ, въ 200 р., и въ память А. Ѳ. Гильфердинга въ 300 руб. Первая тема: критическій разборъ паннонскихъ житій и житія Св. Климента, съ обзоромъ литературы съ 1842 года до послѣдняго времени и съ приложеніемъ критической оцѣнки прежде извѣстныхъ и новооткрытыхъ римскихъ источниковъ относящихся до славянскихъ Апостоловъ и славянскаго богослуженія въ Моравіи. Сочиненіе должно быть представлено не позже 14 февраля 1885 года. Вторая тема: внѣшняя исторія: 1) Венгріи съ 1095 по 1141 годы; 2) Чехіи съ 1092 по 1140 годы: Польши—въ правленіе Владислава Германскаго и Болеслава Кривоустаго, и 3) Руси—съ 1093 по 1146 годы; отношенія этихъ странъ внутреннія между собою и внѣшнія къ нѣмецкой имперіи, папству, восточному императору и патріарху Константинопольскому; сходство и различіе ихъ. Автору предоставляется право ограничиться двумя странами (Чехіи и Венгріи, Чехіи и Польши, Венгріи и Польши, Венгріи и Руси), но при условіи довести обзоръ событій до конца XII вѣка. Сочиненіе должно быть представлено не позже 25 декабря 1885 года.

Затѣмъ профессоръ О. И. Миллеръ прочиталъ два стихотворенія, одно неизвѣстнаго автора, полученное по почтѣ, и другое М. П. Розенгейма. Професс. Вл. И. Ламанскій сказалъ рѣчь о положеніи западнаго славянства: «Я рѣшился напомнить вамъ, сказалъ онъ, что и въ наше мирное время нельзя относиться равнодушно къ жизни западнаго славянства; среди мира и тишины зрѣютъ интересы, которые потомъ переходятъ въ столкновеніе».

Проф. Миллеръ напомнилъ собранію объ умершихъ сочленахъ.

Собраніе закончилось славянскимъ гимномъ: *Слава Кириллу, слава Меѳодію*. Послѣ чего высокопреосвященнѣйшій владыка Іоанникій благословилъ всѣхъ присутствующихъ.

**— Изъ отчета Каменецкаго Іоанно-Предтеченскаго братства.** — Въ январѣ текущаго года каменецкое Іоанно-Предтеченское братство праздновало 20-ю годовщину со времени своего учрежденія. Изъ отчета братства видно, что къ первоначальнымъ заботамъ о благолѣпіи православныхъ храмовъ, братство присоединило заботы объ учрежденіи школъ въ духѣ православной церкви и русской народности, съ цѣлію распространенія просвѣщенія въ простомъ классѣ народа, а также дѣла благотворенія. Въ братскомъ пріютѣ помѣщалось въ истекшемъ году 40 человѣкъ, 25 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ. Какъ мальчики, такъ и дѣвочки обучались: закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ и географіи и упражнялись въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи и чистописаніи. Сверхъ сего 11 мальчиковъ обучались сапожному ремеслу, а 9—столярному; остальные, за мололѣтствомъ, не обучались ремесламъ; дѣвочки обучались шитью и пріучались къ занятіямъ по кухнѣ и вообще къ умѣлому и толковому веденію домашняго хозяйства, для чего болѣе возрастные изъ нихъ, по установленной очереди, находились на кухнѣ, для участвованія въ приготовленіи пищи, и посылаемы были на рынокъ для закупки съѣстныхъ матеріаловъ и припасовъ. Болѣе способныя дѣвочки обучалисъ также вязанью и вышиванью по канвѣ. Представляемые къ годичному испытанію образцы сапожныхъ и столярныхъ, а также женскихъ работъ найдены присутствовавшими на испытаніи членами братства вообще очень удовлетворительными.

**— Высокопреосвященный Антоній, бывшій Архіепископъ Минскій (Некрологъ).** — 4-го февраля русско-православный міръ привѣтствовалъ маститаго Архипастыря Высокопр. **Антонія** съ пятидесятилѣтіемъ его епископства,—а 15 февраля его уже не стало. Телеграммы извѣстили о его кончинѣ въ Пожайскомъ монастырѣ.

**— Къ характеристикѣ Высокопреосвящен. Антонія.**—Приводимъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» письмо высокопреосвященнаго Антонія къ одному изъ его друзей.

Пожайскій монастырь,
26 января, 1884 года.

*Честнѣйшій другъ души моей!*

Письмо ваше отъ 2 января я получилъ 13 числа. Оно меня обрадовало, въ чемъ вы не сомнѣваетесь, такъ какъ чувства мои къ вамъ хорошо извѣстны.

Это письмо перенесло меня мыслью въ то прошедшее свѣтлое время, когда я лично бесѣдовалъ съ вами и товарищами вашими, когда вы честно трудились для блага сѣверозападнаго края, сердечно обласкали тамошнюю горсточку русскихъ, почти забытыхъ людей, когда они истомленные и изстрадавшіеся нашли полное сочувствіе въ вашихъ сердцахъ. Счастливое то было время! Въ вашей русской семьѣ свободно дышалось, легко чувствовалось съ вами, было что то простое, доступное, родное, невыразимо пріятное-сердцу. Эти воспоминанія занимаютъ меня до такой степени, что я забываю физическія страданія. Рѣдко бываютъ въ жизни такія счастливыя минуты; но еще рѣже старушка Москва посылаетъ намъ Муравьевыхъ съ подобными безкорыстными русскими людьми.

За выраженную ко мнѣ симпатію я даже не благодарю: у меня сложилось убѣжденіе, что вы иначе ко мнѣ, по своей честной натурѣ, относиться не можете; но ласкательствъ не одобряю.

Въ послѣднее время здоровье мое разрушилось, глаза затуманились, все тѣло наболѣло; слухъ притупѣлъ, не могу видѣть вслѣдствіе паралича, пальцы покривились и изныли, и послѣдніе два пальца, которыми владѣлъ, тенерь отказываются служить: не могу держать пера и не знаю, какъ я подпишу это письмо. Безъ посторонней помощи не могу даже повернуться на кровати и принять пищу.

Не грустите о моихъ немощахъ: я веселъ, спокоенъ духомъ и счастливъ по своему. Милосердый Создатель, по неизреченной своей милости къ моему недостоинству, пославъ мнѣ тѣлесныя испытанія, наградилъ ясностію мысли и полною соз-

нательностью, такъ что я отчетливо обнимаю все видѣнное, слышанное и испытанное въ мою жизнь.

Красота природы такъ мудро устроенной, убѣждаетъ меня, какъ Богъ насъ любитъ и печется о насъ—и за что же? за то, что мы его созданія. Если такъ хорошо устроено на время, то какъ будетъ прекрасно въ загробной жизни! Благодарю Всемогущаго, что позволилъ мнѣ испытать земныя страданія и заживо сдѣлалъ меня мертвецомъ, давъ милость познать, оцѣнить и благодарить за посланныя благодѣянія. Всегда намъ дорого то, что теряемъ. Когда жажда томитъ, мы цѣнимъ воду. Еслибъ я не лишился способности ходить, сидѣть, стоять, видѣть, слышать, то никогда бы не могъ такъ сознательно, какъ теперь, прославить Бога за дарованные блага и оцѣнить полетъ мыслей, подготовляющихъ предстать предъ судомъ праведнаго Судіи. Да святится имя Твое, и да будетъ воля Твоя святая на мнѣ грѣшномъ.

Сегодня совсѣмъ силы меня оставляютъ, и когда будете читать эти строки, быть можетъ уста мои сомкнутся и холодная могила скроетъ меня навсегда; а потому, не желая оставить какихъ нибудь сомнѣній, какъ бы въ послѣдній часъ кончины, прощаю всѣхъ и прошу прощенія у всѣхъ, со смиреніемъ вымаливаю если не молитвъ, то одного вздоха за мою грѣшную душу, а этотъ русскій вздохъ всегда Богу пріятенъ.

Теперь какъ бы изъ загробной жизни повѣдую тайну.

Ни Митрополитъ Іосифъ, ни я и ни кто другой какъ только Богъ послалъ Ангела мирна, вѣрна наставника, въ лицѣ Императора Николая I: онъ былъ главный виновникъ возсоединенія уніатовъ въ лоно Православной церкви. Уніаты чувствовали любовь и довѣріе къ помазанникамъ Божіимъ и къ матери Православной Церкви; но подъ гнѣтомъ латинизма одичали, огрубѣли, потеряли сознаніе личнаго достоинства и до такой степени считали себя недостойными что даже не мечтали дабы о нихъ вспоминали и не ожидали милости царской и сердечности Православной Церкви. Все въ нихъ съ нѣжнаго возраста было заковано въ грубыя понятія и закрыто темною завѣсой самовластья папизма. Но когда помазанникъ Божій открылъ свое любящее сердце и принялъ на свою бога-

тырскую грудь почти дикихъ и сказалъ, что мы его званныя дорогія дѣти и близки его сердцу, закрѣпивъ свою рѣчь яснымъ орлинымъ взглядомъ и нѣжной улыбкой добраго отца, въ одну минуту мы возродились: завѣса клеветы, обмана и интриги спала съ нашихъ глазъ; его взглядъ освѣтилъ насъ, а сердце давно уже наболѣвшее отъ нашей нерѣшительности, поняло эту любящую отеческую улыбку, почуяло счастливую минуту, и всѣ мы, согрѣтые царскимъ словомъ, бросились къ нему съ довѣріемъ и любовію, а матерь Православная Церковь, которую намъ съ малыхъ лѣтъ представляли какою то строгою, неумолимою, карающею, приняла насъ любовно: ни одного упрека, ни намека на наше заблужденіе...

Все это передали мы нашимъ братьямъ, и дѣло возсоединенія уніатовъ совершилось собственно по вдохновенію Божію и заботами Николая I.

При чемъ же я тутъ!!!

За тѣмъ, вы сами испытали тоже, когда прибыли съ другими въ Сѣверо-западный край во время Польскаго мятежа: развѣ вы не замѣчали, какъ тамошніе жители относились къ вамъ недружелюбно, недовѣрчиво, собственно потому, что, благодаря польскимъ интригамъ, своеволію пановъ и своекорыстію панскихъ чиновниковъ, они одичали, были унижены, пристыжены и въ Русскомъ правительствѣ видѣли только врага? Но когда вы этотъ народъ приласкали, допустили къ себѣ, вошли въ его нужды, были справедливы, безкорыстны, ставъ на стражѣ истины, выяснили ему, что всѣ эти благодѣянія изливаются отъ любимаго Монарха, они васъ уже не боялись, повѣрили вамъ и полюбили васъ всей душой, были послушны вамъ и теперь скучаютъ, что вы оставили ихъ сиротками. Нужно ли за это васъ благодарить и хвалить? Развѣ вы не должны были исполнить желаніе любимаго Царя, который мученическою смертію и честною своею кровію запечатлѣлъ любовь свою къ своему народу?...

За что же меня хвалите?

Простите меня многогрѣшнаго и полюбите такимъ какимъ я есмь.

Призываю благословеніе Господа нашего Іисуса Христа на васъ и всю русскую семью, желаю вамъ долго жить для счастья

любящихъ васъ. Остаюсь неизмѣнный вашъ другъ, угасающій смиренный старецъ архіепископъ Антоній.

Присоединяемъ нѣсколько свѣдѣній о высокопреосвященномъ Антоніи, переданныя «Церковному Вѣстнику» М. Ѳ. Кояловичемъ. Послѣ удаленія на покой въ 1848 г. высокопреосвященный Антоній жилъ въ 60 или 70 верстахъ отъ Минска въ небольшемъ своемъ имѣніи. Тутъ Архипастырь былъ истиннымъ патріархомъ для всего околодка. Къ нему всѣ имѣли доступъ, обращались къ нему, какъ къ судьѣ въ своихъ спорахъ и крестьяне и шляхта, и какъ бывало рѣшитъ владыка, такъ и было. Но передъ польскимъ возстаніемъ 1863 года поляки возмутили миръ Архіепископа Антонія и самымъ коварнымъ образомъ. Зная его готовность отзываться на всякое доброе дѣло, они подъѣхали къ нему съ предложеніемъ сдѣлать пожертвованіе на какое то благотворительное заведеніе. Владыка въ простотѣ сердечной сдѣлалъ посильное пожертвованіе, а потомъ оно оказалось въ числѣ пожертвованій на возстаніе. Владыка бросилъ свой мирный дотолѣ уголокъ и переѣхалъ на жительство въ Пожайскій монастырь. Архіепископъ Антоній великій любитель природы. Онъ много читалъ по философіи природы и говорятъ, много написалъ по этому предмету.

Вотъ въ заключеніе его простая, но дышащая истинно христіанскою простотою и задушевностію подписка на принятіе православія, данная вскорѣ послѣ рукоположенія во епископа, именно 8 февраля 1834 г.; она напечатана въ I т. (стр. 659) «Записокъ» митрополита Іосифа, къ которому въ этой подпискѣ и дѣлается обращеніе.

«Ваше преосвященство давно уже знаете мой образъ мыслей и мои чувства къ православной греко-россійской церкви, знаете мое твердое убѣжденіе объ истинѣ вѣрованія сея церкви и заблужденіи римлянъ; знаете мое негодованіе къ проискамъ латинянъ и поляковъ, унію произведшимъ; знаете мое соболѣзнованіе о послѣдовавшемъ отъ сего перерожденія полутора милліона народа, русскаго языкомъ и происхожденіемъ; знаете мое искреннее участіе въ благомъ дѣлѣ обращенія уніатовъ на лоно православной церкви; знаете мою готовность присоединиться самому нынѣ же къ сей нашей общей матери—прароди-

тельской церкви; знаете мою совершенную довѣренность къ мѣрамъ, кои правительству благоугодно будетъ принять по уніатскому дѣлу—все это знаете и я съ удовольствіемъ исполняю желаніе вашего преосвященства, объявляя вамъ о семъ письменно».

**— Адресъ архіепископу Антонію, составленный М. О. Кояловичемъ.** — Высокопреосвященнѣйшій архипастырь! Три четверти вѣка, какъ бы три грани, обнимаютъ вашу общественную жизнь, и на этихъ граняхъ неизгладимыми чертами изображены ваши подвиги для блага западной Россіи.

Нынѣ, въ этотъ знаменательный день вашей жизни, мы, ваши почитатели, съ особеннымъ вниманіемъ и сердечными чувствами вглядываемся въ эти достославные начертанія.

Первая грань—первая четверть настоящаго столѣтія.

Широко раскинулъ по западной Руси сѣть польскаго образованія потомокъ ополячившагося русскаго княжескаго рода Адамъ Черторыйскій, и ликовалъ съ нимъ весь польскій міръ, завоевывая вновь западную Русь такъ счастливо для себя и такъ неожиданно послѣ столь недавняго паденія Польши и послѣ еще болѣе недавней своей измѣны предъ Россіей въ отечественную войну. Но въ средоточіи этой новой польской измѣны, въ Вильнѣ, на студенческихъ скамьяхъ виленскаго университета и тѣсно соединенной съ ними виленской академіи сидѣло васъ двое,—приснопамятный Іосифъ Сѣмашко и вы, Антоній Зубко, нынѣ старецъ архипастырь, и среди польскихъ ликованій вамъ слышенъ былъ и отзывался въ вашихъ сердцахъ стонъ вновь заполоненной родной вамъ западной Руси. Вы оба тогда вглядывались въ ваши собственныя силы, въ остатки бодрыхъ силъ вашей родины и обращали ваши взоры къ восточной Россіи съ упованіями на русское народное прозрѣніе и русскую братскую помощь. Въ васъ зарождался тогда совсѣмъ новый для окружавшихъ васъ людей строй мыслей и вамъ предчувствовалось совсѣмъ иное ликованіе,—ликованіе воскресающей русской силы на вашей родинѣ.

Вторая грань—вторая четверть настоящаго столѣтія.

Торжествуетъ латинство въ тогдашней петербургской римско-католической коллегіи, смѣло закрѣпляетъ узы десятковъ

тысячъ уніатовъ, насильно обращенныхъ въ латинство, и съ злорадствомъ готовится приложить клеймо преступника къ челу послѣдняго, по видимому, хранителя лучшихъ русскихъ завѣтовъ Бѣлоруссіи,—полоцкаго уніатскаго архіепископа Красовскаго, преданнаго тогда суду. Но въ этой римско-католической коллегіи засѣдалъ Іосифъ Сѣмашко, а затѣмъ вскорѣ и вы съ нимъ, старецъ архипастырь, тогда каноникъ Зубко, и встали вы оба со всею созрѣвшею уже въ васъ русскою мощью на защиту родной правды, васъ услышалъ тогда и понялъ Государь Николай Павловичъ; и затѣмъ предъ смущеннымъ латино-польскимъ міромъ и изумленнымъ русскимъ міромъ стала болѣе и болѣе развертываться картина новаго послѣ Екатерины II возсоединенія уніатовъ, поражающая до сихъ поръ силою и историческою правдою своихъ красокъ. На этой картинѣ всѣмъ ясно видны; впереди Іосифъ Сѣмашко, слѣва Василій Лужинскій, а справа вы, старецъ архипастырь Антоній.

Третья грань—третья четверть настоящаго столѣтія.

Вы отошли уже отъ дѣлъ архипастырства и отдались любимому вами созерцанію и изученію природы и ея чуднаго строенія. Но дивная гармонія Божьяго творенія неразъ вызывала въ васъ потребность повѣдать мятущимся въ сѣтяхъ страстей современникамъ о необходимости гармоніи и въ жизни человѣческой и объ ея христіанскихъ основахъ. Такъ, когда вновь заволновался было латино-польскій міръ, позорилъ русское православное строеніе въ западной Россіи и породилъ много розни даже въ русской средѣ, вы повѣдали въ плѣнительныхъ очеркахъ о русской православной жизни въ знаменитыхъ Жировицахъ нашего времени, когда заодно жили и дѣйствовали всѣ русскіе люди разныхъ странъ и направленій—жили и дѣйствовали заодно, потому что всѣхъ ихъ роднила и соединила русская православная любовь. Или: когда затѣмъ великія дѣла русскаго строенія въ западной Россіи, совершенныя при М. Н. Муравьевѣ и К. П. Кауфманѣ, были разрушаемы неразумными русскими руками и неразумныя русскія уста позорили даже русскую способность къ доблестямъ, вы, старецъ архипастырь, вышли изъ вашего Пожайскаго уединенія, явились въ Вильну, и въ Духовскомъ монастырѣ, вблизи вѣчныхъ сви-

дѣтелей христіанской доблести, святыхъ виленскихъ мучениковъ и въ средѣ многочисленныхъ хранителей христіанской любви—виленскихъ братчиковъ торжественно заявили вашу вѣру въ русскую доблесть и заставили умолкнуть неразумныя русскія уста.

Ваши многочисленные почитатели и въ западной и въ восточной Руси живо помнятъ все это, и мы—часть ихъ—спѣшимъ воздать вамъ подобающую честь и хвалу. Сердца наши полны благопожеланій вамъ, въ томъ числѣ и пожеланій благоденствія. Но мы знаемъ, что вы, приближаясь къ девятидесятилѣтію вашей жизни, не примете отъ насъ этого пожеланія. Пріимите же отъ насъ, глубокій старецъ архипастырь, молитвенное пожеланіе, чтобы въ остающійся остатокъ вашихъ дней Господь сохранилъ въ васъ во всей свѣжести и возвышалъ надъ недугами тѣла ту дивную гармонію душевныхъ силъ и сердечныхъ ощущеній, которою вы такъ богато жили и такъ могущественно всѣхъ къ себѣ привлекали и назидали».



№ 6 Вол. Еп. Вѣд. сданъ на почту 22-го Февраля 1884 г.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 22 Февраля 1884 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.